

Большая часть зрителей уже успела разойтись, осталось лишь немного преданных любителей оперы. Бросив пустую посуду громоздиться на столе в беспорядке, люди с необычайно унылым и мрачным видом исчезли, будто их и не было [1]. Заядлые театралы, подобно императору Тан Мин-хуану, во всём поддавались порывам страстей: в жаркий сезон одаривали безграничной любовью, а в холодный — бросали драгоценную супругу в Цветочном павильоне одну [2]. Впрочем, Шан Сижуй был из тех Ян-гуйфэй, что не принимают подобное близко к сердцу — словно не замечая, что творится вокруг него, он по-прежнему самозабвенно пел, как раз собираясь запрокинуть голову, чтобы пригубить вино. В этот момент перед Чэн Фэнтаем прошёл охваченный гневом мужчина в короткой куртке [3] с чайником крутого кипятка в руках. Приблизившись к сцене, он что было мочи выплеснул кипяток на сцену, окатив Шан Сижую.

— Убирайся к чёрту со своими воплями, гнусная шлюха!!! — выкрикнул мужчина.

— Сижуй! — завопил Шэн Цзыюнь со второго яруса.

Актёр отступил на шаг, бросив косо взгляд на мужчину, и как ни в чём не бывало продолжил петь, играющий на хуцине аккомпаниатор не отставал от него. Таковы правила сцены: пока актёр поёт, музыкант продолжает играть — и даже если тот при смерти, даже если прольётся кровь, аккомпаниатору до этого нет никакого дела.

Видя, что его попытка помешать представлению не удалась, выплеснувший кипяток мужчина пришёл в пущее бешенство — опершись руками на ограждение сцены, он попытался запрыгнуть на неё. До Чэн Фэнтая наконец дошло, что, изменив слова оперы, этот Шан Сижуй и впрямь навлек на себя гнев толпы — отнюдь не радующиеся подобным переменам любители оперы вознамерились дать ему попробовать, каково их негодование на вкус. Как мог хрупкий и нежный, словно барышня, Шан Сижуй — казалось, ветер подует, он и улетит [4] — противостоять обуянному гневом здоровому мужику, способному прибить его насмерть одной-единственной затрешиной! Само собой, характер Чэн Фэнтая не позволил ему безучастно наблюдать за происходящим. В несколько шагов нагнав этого любителя оперы, он опустил руку ему на плечо:

— Господин, ни к чему так распалиться, всё можно решить миром.

— Эта шлюха порочит Ян-гуйфэй! — обернувшись, обезумевший поклонник оперы, глаза которого покраснели от гнева, принялся тыкать в Шан Сижую пальцем.

В былые времена в шутку говорили: «Стоит ли тревожиться за давно почивших» — по всему выходило, что эта пословица и ныне справедлива. Кости Ян-гуйфэй истлели тысячу лет назад — кто бы мог подумать, что найдётся тот, кто вступится за её честь, словно желая растрогать до слёз дух драгоценной государевой супруги?

— Да что вы говорите! — насмешливо отозвался Чэн Фэнтай. — Как какой-то актёр может опорочить Ян-гуйфэй? Если кто её и опорочил, так это её снохач[5]-свёкор!

Стоило Чэн Фэнтаю открыть рот, как его шуточки тут же подлили масла в огонь — кто как не он нарывался на неприятности? Негодование с новой силой полыхнуло в сердце безумного любителя оперы, и он, издав гневный рык, замахнулся кулаком, обрушивая на лицо Чэн Фэнтая удар за ударом. С разбитого о зубы уголка рта заструилась кровь. Не знающему иного занятия, кроме коммерции, Чэн Фэнтаю никогда прежде не доводилось участвовать в драке, однако неистовства ему было не занимать. Ничего не разбирая, он повалился на проходящих мимо людей, но тут же вошёл в раж, метким ударом сломав нос любителю оперы — кровь брызнула фонтаном, словно из аорты, запятнав одежду Чэн Фэнтая.

Видя, что дело принимает скверный оборот, работники театра подбежали к ним, и, оттащив Чэн Фэнтая, усадили его, суетливо [6] справляясь о самочувствии. До этого они бесстрастно наблюдали за происходящим, поскольку хозяин театра велел им преподавать Шан Сижую урок, чтобы тот, как следует вкусив эту горькую пилюлю, больше не осмеливался менять слова в пьесе — из-за этого в последние дни зрители то и дело уходили с бранью, не досмотрев представление, и при этом театру почти не доставалось чаевых! Хозяин даже подумывал о том, чтобы самолично поколотить актёришку, но сегодня ему представилась возможность учинить это чужими руками [7]. Кто же знал, что у него на пути встанет шурин главнокомандующего Цао, который героически ринется на выручку красавице, не убоявшись ни скандала, ни ранений!

Приказав своим людям сопроводить обезумевшего любителя оперы в комиссариат, владелец театра принялся извиняться перед Чэн Фэнтаем.

— Явились наконец-то? — холодно усмехнулся тот, прикладывая к уголку рта смоченное в холодной воде полотенце. — Где же вас раньше носило? Открыли лавочку — и думаете, что можно так вот взирать со стороны на творящийся тут бардак? Как я посмотрю, вас это вовсе не беспокоит?

Владелец театра продолжал кланяться, рассыпаясь в извинениях, пока Чача-эр и Шэн Цзыюнь торопливо спускались с верхних ярусов в партер. Крепко обняв старшего брата со спины, Чача-эр щекой прижалась к его волосам.

— Полегче, полегче, а не то задушишь второго братика! — похлопал её по руке Чэн Фэнтай.

Шэн Цзыюнь взглянул на второго господина — тот не удостоил его ответным взглядом, но, сознавая свою правоту, юноша почёл за долг позаботиться о состоянии Шан Сижую.

— Сижуй, Сижуй! — позвал он, задрав голову к сцене. — Хватит петь! Хватит! Все зрители уже разошлись!

Владелец театра продолжал суетиться вокруг Чэн Фэнтая, в то время как в уши ему продолжало литься пение, сопровождаемое звуками хуциня. По правде говоря, эта Ян-гуйфэй до смерти ему надоела.

— Шан-лаобань, полно вам, присядьте! — повернувшись к сцене, хозяин театра согнулся в

малом поклоне, сложив перед собой руки [8].

— Никуда он не пойдёт! — сердито зыркнул на него Чэн Фэнтай. — Разве второй господин не в зале? Пой! Пой до самого конца! А то что же, я зря подставился под удар? Дайте мне сесть и дослушать оперу! — велел он остальным.

Шэн Цзыюнь, хозяин театра и его люди подчинились произволу Чэн Фэнтая, хоть на сердце у них творилась невообразимая неразбериха, да ещё и атмосфера была до крайности странной. Все они как один терзались, чувствуя, что провинились — один в тайне от семьи содержал актёра, а другие, пустив всё на самотёк, бросили его на произвол судьбы [9]. Втайне страшась выражения лица Чэн Фэнтая, они продолжали слушать оперу, не улавливая смысла.

Единственный, кто чувствовал себя непринуждённо — это Шан Сижуй.

Чэн Фэнтай снизу вверх смотрел на его выступление — по-прежнему не разбирая слов, он видел лишь человека. Движения Шан Сижую прямо-таки источали жар, словно ничего и не случилось — он полностью отдался выступлению, будто ему было всё равно, слушает его кто-нибудь или нет, как если бы он играл перед пустым залом. Чэн Фэнтаю показалось, что он наконец понял, как Шан Сижую удалось взойти на вершину популярности, завоевав города своей манерой выступления.

То был Шан Сижуй, тот самый Шан Сижуй, о котором ходило столько слухов.

А он и в самом деле силён.

Когда представление закончилось, Шан Сижуй опустился на колени и поклонился со сложенными руками, как по старым правилам этикета полагалось женщинам. Аплодируя, Чэн Фэнтай, следуя обычаям традиционной китайской оперы, во весь голос выкрикнул: «Прекрасно!» [10]

Вернувшись за кулисы, Шан Сижуй снял с головы украшения, но грим смывать не стал. Рассматривая театральный костюм, он принялся причитать. Только сейчас разоблачившись от многослойных сценических одежд, он обнаружил, что, хоть его самого не обожгло кипятком, костюм был безнадёжно испорчен: чай оставил на ткани несмываемое пятно. Шан Сижуй не мог взять в толк, что так взбудоражило его поклонников: он всего-то навсего добавил к тексту оперы пару строк — на его взгляд, весьма недурных — как же могло так получиться, что зрители так разгневались? Актёр в самом деле чувствовал себя несправедливо обиженным.

Сняв заляпанный кровью пиджак, Чэн Фэнтай перекинул его через руку и вместе с младшей сестрой проследовал за кулисы, причём за ним увязались Шэн Цзыюнь и владелец театра. При виде Чэн Фэнтая Шан Сижуй тотчас поднялся на ноги, отложив костюм.

— Шан-лаобань, это второй господин Чэн, — поднял руку хозяин театра, представляя гостя. Поскольку эти двое были весьма известны в Бэйпине, знакомить их полными именами было бы

излишне и даже неуважительно.

«Младший брат Чэн Мэйсинь, как же, знаем, — подумал про себя Шан Сижуй, с лёгкой улыбкой приветствуя второго господина Чэна. Его хрипловатый и безэмоциональный, будто потусторонний, голос звучал еле слышно, словно у ослабленного болезнью человека — ничего общего с тем, что только что выступал на сцене.

Чэн Фэнтай знал Шан Сижую по сплетням, в которых его распекали на все лады. Теперь, когда его взгляд скользил по его традиционным нижним одеждам, Чэн Фэнтай поддался иллюзии, что перед ним переодевается одна из женщин древности — и он нашёл это весьма вызывающим и даже запретным. После того, как он наслушался праздных пересудов о нём, сегодня, увидев актёра собственными глазами, Чэн Фэнтай не мог не заинтересоваться им.

— Шан-лаобань, натерпелись вы страху, — завёл разговор Чэн Фэнтай.

— Премного благодарен второму господину, ведь это он выручил меня, в результате пострадав, — с улыбкой отозвался Шан Сижуй, — покорнейше прошу простить меня за это.

— Так всё-таки Шан-лаобань это видел? В вашем неколебимом самообладании [11] видна истинная твёрдость духа!

«Я не только видел как ты подрался, — подумал при этом Шан Сижуй, — но и как ты весь вечер лузгал семечки, и как не переставая хихикал, прикрывая рот рукой — а потом ещё и подговорил девчонку швырнуть в меня какой-то штукой. Но поскольку в конце концов ты меня спас, то я готов забыть об этом». При этой мысли сердце Шан Сижую внезапно сжалось — слегка наморщив брови, он уставил взгляд блестящих глаз на Чэн Фэнтая. Прежде, играя на сцене, он словно возносился надо всеми, не замечая никого и ничего — даже в тот год в Пинъяне, стоя на башне, он умудрялся не слышать сотрясающей воздух пальбы из пушек и ружей. И что же произошло сегодня? Что такого особенного в этом младшем брате Чэн Мэйсинь?

— А... твёрдость духа? — отозвался Шан Сижуй, вынырнув из раздумий. — Это не более чем наша профессиональная выучка.

Шэн Цзыюнь больше не мог сдерживаться: невзирая на «у меня к тебе ещё есть вопросы» Чэн Фэнтая, он вышел вперёд и, остановившись перед Шан Сижуюем, устремил пристальный взгляд на актёра:

— Твоё лицо... в самом деле, уже проступил синяк! — обеспокоенно заметил он.

— Я ещё грим не смыл, как же ты синяк углядел? — с улыбкой бросил Шан Сижуй, позволив ему взять себя за подбородок.

— Что до синяка... — вмешался Чэн Фэнтай, — то сердечно прошу простить меня. — При этих словах он легонько подтолкнул Чачу-эр в спину.

— Прошу прощения у старшей сестрицы, — сказала девочка, выйдя вперёд. — Я не нарочно тебя ударила.

Шан Сижуй казался несколько удивлённым подобным извинением — не почтя за нужное объяснять, что на самом деле он — никакая не «старшая сестрица», а «старший братец», он поспешил ответить:

— Барышня [12] чересчур любезна, раз не побоялась даже взять вину на себя. Шан Сижуй должен быть благодарен за поднесённую вами награду.

Глядя на него, Чача-эр вновь замолчала.

Старшие перекинулись ещё парой учтивых, ничего не значащих фраз, после чего Чэн Фэнтай предложил:

— Шан-лаобань, когда смоете грим, я провожу вас — меня у входа дожидается машина.

— Премного благодарен второму господину, — отозвался Шан Сижуй, — но не стану утруждать его. К сожалению, я сегодня занят — нужно собрать вещи к отбытию.

— К отбытию? — изумился Чэн Фэнтай. — Разве вы больше не будете выступать?

— Выступать буду, — ответил Шан Сижуй. — Но не здесь.

— Шан-лаобань, что вы такое говорите? — осторожно поинтересовался владелец театра, почуяв неладное в его словах. — Куда это вы собираетесь уходить? Разве мы были к вам недостаточно внимательны?

— Вы были весьма внимательны, — глядя на него, спокойно ответил актёр. — Вот только я сам захотел уйти.

Хозяин театра понял, что Шан Сижуй разгадал его план «убийства взятым взаймы ножом» путём попустительства драке, однако ничего не сказал, что позволило обоим сохранить лицо, расставшись полюбовно. Мужчина ещё немного поупорствовал в попытках задобрить [13] Шан Сижую, а затем послал людей, чтобы те помогли убрать костюмы и реквизит, вновь театрально рассыпаясь в изъявлениях преданности.

— Подобные церемонии ни к чему, я возьму лишь то, что мне причитается. Однако я хотел бы попросить вас отпустить со мной одного человека — тот дядюшка, что сегодня сопровождал

мне на хуцине, уж очень пришёлся мне по нраву.

Хозяин театра тотчас заверил, что, если сам старик согласится, то и в театре «Хуэйбинь» возражать не станут.

Повернувшись к Чэн Фэнтаю, Шан Сижуй с улыбкой бросил:

— Должно быть, второй господин находит эти закулисные дразги смешными.

— Раз уж Шан-лаобань занят, этот Чэн, пожалуй, откланяется, — улыбнулся в ответ Чэн Фэнтай.

— Ох, здесь сейчас такой беспорядок, что я не стану вас задерживать, — кивнул Шан Сижуй, после чего громко кликнул: «Сяо Лай! [14]» — и к нему со всех ног бросилась девушка в ярком лазурном платье с заплетёнными в косу длинными волосами.

— Выбери какое-нибудь из моих пальто [15], да получше, и принеси второму господину, чтобы он мог его надеть, — велел Шан Сижуй.

Чэн Фэнтай принялся решительно отнекиваться — ведь у ворот стоит машина, так что он не замёрзнет — но не успел он и глазом моргнуть, как одежду уже вынесли, и Шан Сижуй, придерживая пальто за воротник, заботливо надел его на Чэн Фэнтая.

— Второй господин, не побрезгуйте.

От этого жеста что-то всколыхнулось у Чэн Фэнтая на сердце, и во взгляде промелькнул тот самый порыв романтического искушения. С детства до взрослых лет его несчётное количество раз одевали женщины — от служанок до любовниц и тех дам, что наигранно флиртовали с ним — однако сегодня ему по-настоящему повезло, ведь он удостоился ухаживаний самой Ян-гуйфэй. Облачившись в пальто, Чэн Фэнтай обернулся, и Шан Сижуй услужливо поправил ему воротник, словно молодая жёнушка в ночном халате, которая на рассвете приводит в порядок одеяние супруга — нежно и аккуратно, стыдясь и смущаясь. При этом Шан Сижуй не смотрел на Чэн Фэнтая, а тот, напротив, опустил голову, смерив его взглядом. На густом слое ароматной пудры рдели узкие пятна румян, чернели насурьмлённые ресницы и брови, локоны на висках украшали прозрачные искрящиеся бусины, подражающие драгоценным камням. На самом деле, все актёры в гриме смотрятся одинаково, и вовсе не обязательно, что в Шан Сижуйе было что-то особенное. Чэн Фэнтай и сам не понимал, что же вызвало у него такой интерес, и почему он был не в силах отвести глаз. Ему даже показалось, что, помогая ему одеться, Шан Сижуй тем самым пытался его завлечь — в конце концов, в весёлых домах [16] нередко прибегали к подобным уловкам: опрокинув вино на гостя, потом прижимались к нему, отчаянно заигрывая [17] — но непохоже, чтобы Шан Сижуй был человеком подобного сорта: оставаясь невозмутимым и спокойным, он вовсе не пытался бросать на Чэн Фэнтая многозначительных взглядов.

У Шан Сижую в самом деле не было на уме ничего подобного — его всего лишь тронул благородный поступок Чэн Фэнтая и, чувствуя себя виноватым перед ним, он просто одолжил ему одежду, не вкладывая в это никакого потаённого смысла.

Одевшись, Чэн Фэнтай распрощался, прихватив с собой младшую сестру, а Шэн Цзыюнь всё ещё продолжал виться вокруг Шан Сижую. Обернувшись на пороге, Чэн Фэнтай бросил:

— Молодой господин Юнь, пойдёте с нами.

Порядком растерявшись, Шэн Цзыюнь потянул Шан Сижую за руку, наказав ему что-то, и нехотя проследовал за Чэн Фэнтаем.

Сев в машину, молодой человек напрягся в ожидании вопросов от Чэн Фэнтая. С тех пор, как он свёл знакомство с Шан Сижуюем, он, сам того не ведая, пустил по ветру кучу денег — на роскошные корзины с цветами, на украшения в волосы — сам актёр не просил его об этом, так что Шэн Цзыюнь тратился по доброй воле, ведь как иначе он мог сблизиться с Шан Сижуюем? Но откуда у студента такие деньги — вот он и писал домой, в Шанхай, о выдуманных тратах — неужто теперь его плутни [18] раскрылись?

Шэн Цзыюнь так и просидел всю поездку, нервно сцепив руки в ожидании, но Чэн Фэнтай так и не открыл рта и прятал улыбку, прижимая пальцы к губам — юноша не знал, что и думать. Когда они прибыли к поместью семейства Чэн, Чэн Фэнтай вывел сестру из машины, велел водителю доставить Шэн Цзыюня к общежитию — тут-то тот не выдержал и, от страха вжимая голову в плечи, словно в ожидании удара, высунулся из окна машины:

— Второй старший братец, ты ведь хотел о чём-то меня спросить?

— Спросить о чём-то? — помедлив, отозвался Чэн Фэнтай. — Ох, я и забыл, о чём. Поговорим об этом позже.

Вернувшись домой, Чэн Фэнтай первым делом вызвал кормилицу, чтобы она уложила спать Чачу-эр, а затем покинул внутренние покои, чтобы перекусить. Перехватив всего по мелочи, он направился в спальню. Вторая госпожа ещё не ложилась — она потягивала трубку, ледяным взглядом созерцая синяк, украсивший уголок губ мужа. Когда служанка [19] помогла Чэн Фэнтаю раздеться, вторая госпожа тотчас обратила внимание на его пальто и с ожесточением постучала мельхиоровой чашей трубки о плевательницу. Всё ещё не произнося ни слова, она вновь набила трубку табаком.

Чэн Фэнтай коснулся уголка рта и велел служанке унести ботинки, после чего забрался на кан, чтобы отнять трубку у жены.

— Вторая госпожа носит в себе малышку, так что ей не следует курить, — с улыбкой бросил он.

Тем самым он хотел поддразнить жену — кто же знал, что, смерив его холодным взглядом, она, вместо того, чтобы пускаться с ним в пререкания, просто отвернётся, собираясь спать.

Чэн Фэнтай тут же догадался, что события сегодняшнего вечера уже достигли её ушей. Нахально навалившись на жену, он принялся играючи приставать [20] к ней на все лады, не давая ей покоя. В конце концов, вторая госпожа не выдержала и уселась на кровати, скинув с себя ватное одеяло.

— Неужто у второго господина Чэна ещё остались силы после его удачных ночных походов [21]? — холодно спросила она.

— Такого рода похождения ночь напролёт у меня только здесь, с тобой, — со смехом отозвался Чэн Фэнтай. — Где уж мне подаваться куда-то ещё?

— Хватит молоть вздор! — холодно усмехнулась вторая госпожа. — Вот уж не думала, что второй господин способен ввязаться в драку! Кто такой этот Шан Сижуй? Думаешь, он не видал мужчин, которые, кичась своей удалью, бросаются биться за него? Наверняка он их видал предостаточно! Надо же было ещё и тебе в это влезть [22]! Не будь ты известным вторым господином, он бы в твою сторону и не взглянул, даже если бы тебе на его глазах вышибли мозги! Какой смысл высовываться, когда этих актёров освистывают? Лучше бы не лез в чужие дела!

Разбранённый женой Чэн Фэнтай и сам на холодную голову понимал, что действительно влез куда не следует — ну и что с того? У него и впрямь был нрав героя, всегда готового заступаться за слабых и притесняемых — что тут скажешь? Он собрался было состроить обиженный вид, но вторая госпожа опередила его, переведя разговор:

— Что же, мне тебе уже и слова сказать нельзя, так ведь? Конечно, со мной ведь можно не считаться! Я некогда проехала пол-Китая, чтобы стать твоей женой, принесла тебе приданое, позволив расплатиться с долгами — а ты женился на мне против воли, потому что у тебя не было другого выхода [23]! Ведь я же — тёмная деревенщина, недостойная такого талантливого и утончённого человека, как второй господин!

Стоило ей заговорить о той давней истории, как Чэн Фэнтай мигом присмирел, со смехом натянув на жену одеяло. От горьких воспоминаний глаза и кончик носа второй госпожи немного покраснели, но её гнев уже улетучился, оставив по себе лишь грусть.

— Как можно говорить, что ты мне не по сердцу? — мягко упрекнул жену Чэн Фэнтай. — Не смей даже упоминать об этом. То, что я на тебе женился — самая большая удача в жизни Чэн Фэнтая, и я навсегда запомню твою доброту. Сегодняшнее происшествие не стоит упоминания — я просто поддался порыву. И не слушай, что там болтают, на самом деле не было никакой драки.

На этом разговор был исчерпан. Вторая госпожа Чэн украдкой пустила слезу, сама не понимая почему — Чэн Фэнтай был с ней ласков, но всё же она чувствовала некоторую подавленность.

Какое-то время супруги лежали молча, затем вторая госпожа придвинулась к мужу и, опустив голову ему на плечо, мягко предложила:

— Чаче-эр скоро тринадцать, она уже взрослая девушка. Не стоит водить её в подобные места [24].

Чэн Фэнтай в ответ лишь кивнул.

Примечания переводчика:

[1] Исчезли, будто их и не было — в оригинале чэньюй 人走茶凉 (rén zǒu chá liáng) — в букв. пер. с кит. «человек ушёл, чай остыл», обр. в знач. «ушедшего быстро забывают», аналог пословицы «с глаз долой из сердца вон».

[2] Отсылка к сюжету оперы «Опьяневшая Ян-гуйфэй», см. примеч. 12 в предыдущей главе.

[3] В короткой куртке — в оригинале 短衫 (duǎn dǎ ban) — короткое платье, лёгкая одежда (без халата).

短打 (duǎndǎ) — дуаньда — именуется пьесы с рукопашным боем воинов в короткой одежде.

[4] Ветер подует, он и улетит — в оригинале чэньюй 风弱不禁风 (guò bù jīn fēng) — в пер. с кит. «такой слабый, что от ветерка с ног валится», обр. в знач. «еле держится на ногах, хилый, болезненный».

[5] Снохач — в оригинале 爬灰 — в букв. пер. с кит. «ползать по пеплу», диалектное — «снохач» — свёкор, состоящий в половой связи с невесткой.

[6] Суетливо — в оригинале чэньюй 手忙脚乱 (shǒumáng jiǎoluàn) — в букв. пер. с кит. «руки заняты и ноги путаются», обр. в знач. «действовать бессистемно, суетиться, торопиться».

[7] Учинить чужими руками — в оригинале чэньюй 借刀杀人 (jièdāo shā rén) — в пер. с кит. «убивать взятым займы ножом», обр. в знач. «делать грязную работу чужими руками», третья стратагема из «Тридцати шести стратагем», выражение из пьесы эпохи Мин.

[8] Малый поклон — в оригинале 作揖 (zuòyī) — поклон, при котором одна рука охватывает сложенную в кулак другую.

[9] Пустив всё на самотёк — в оригинале чэньюй 袖手旁观 (xiù shǒu páng guān) — в букв. пер. с кит. «засунуть руки в рукава и наблюдать со стороны», обр. в знач. «быть безучастным зрителем», «оставаться в стороне».

Бросили на произвол судьбы — в оригинале чэньюй 见死不救 (jiàn sǐ bù jiù) — в букв. пер. с кит. «увидеть смерть и не выручить».

[10] Прекрасно — в оригинале 好 (hǎo) — в пер. с кит. «Хорошо!», китайский налог «Браво!»

[11] Неколебимое самообладание — в оригинале 八面威风 (bā fēng bù dòng de) — в букв. пер. с кит. «не колеблют ветра с восьми направлений», где 威风 (bā fēng) в обр. знач. — «силы, которые влияют на людей и движут ими (похвала, насмешка, честь, позор, выгода, потеря, удовольствие и страдание)».

[12] Барышня — в оригинале 小丫 (xiǎo yā) — сяоцзе — в букв. пер. с кит. «маленькая старшая сестрёнка».

[13] Задобрить — в оригинале 讨好 (tǎo hǎo) в букв. пер. с кит. «выражать какое-либо намерение», обр. в знач. «отблагодарить (деньгами или подарком); подмазать».

[14] Сяо Лай 小赖 (Xiǎo Lái) — приставка «Сяо» означает «маленький», используется в качестве уменьшительно-ласкательного префикса, зачастую обозначает младших членов семьи или знакомых. Лай 赖 (Lái) — видимо, фамилия, означающая «приходить, подносить».

[15] Пальто — в оригинале 外衣 (wàiyī) — верхняя одежда в широком смысле слова.

[16] Весёлый дом — в оригинале 风月楼 (fēng yuè chǎng) — в пер. с кит. «прибежище ветра и луны», где 风月 (fēng yuè) — «свежий ветер и светлая луна», обр. в знач. «прекрасный вечер; красивый пейзаж; обстановка, располагающая к лирической беседе, к мечтательности и любви», а также — «любовная лирика, романтические отношения».

[17] Отчаянно заигрывая — в оригинале чэньюй 眉目传情 (méi mù chuán qíng) — в пер. с кит. «бровями и глазами выражать любовь»; обр. в знач.: «бросать влюбленные взгляды, строить глазки, кокетничать, флиртовать».

[18] Плутни — в оригинале 马脚 (mǎ jiǎo) — в пер. с кит. «лошадиные копыта», обр. в знач. «скрытый изъян (порок), истинный облик».

[19] Служанка — в оригинале 丫头 (yā tou) — причёска с двумя пучками на голове, разг. «девчонка», а также «девушка-служанка».

[20] Приставать — в оригинале чэньюй 动手动脚 (dòng shǒu dòng jiǎo) — в пер. с кит. «пустить в ход руки и ноги», обр. в знач. «шутить, баловаться», а также «распускать руки, лапать, заигрывать с женщинами».

[21] Удалые ночные похождения — в оригинале 彻夜英雄 (chè yè yīng xióng) — в пер. с кит. «всю ночь играть героя», где 逞 (chèng) означает как «рисоваться, бравировать» так и

«потворствовать своим желаниям, давать волю чувствам».

[22] Влезть — в оригинале чэньюй 上蹿下跳 (shàng cuān xià tiào) — в букв. пер. с кит. «скакать вверх, прыгать вниз», обр. в знач. «активно действовать», «метаться», «в каждой бочке затычка», «совать нос куда не следует».

[23] Женился на мне против воли, потому что у тебя не было другого выхода! — в оригинале два чэньюя:

走投无路 (zǒu tóu wú lù) — в пер. с кит. «некуда метнуться, нет дороги», обр. в знач. «быть в тупике, в безвыходном положении».

嘴上无毛 (zǒu tóu wú mào) — в пер. с кит. «зажав нос», обр. в знач. «вынужденно, против воли, молча сносить».

[24] Водить в такие места — в оригинале 抛头露面 (pāotóu lùmiàn) — в букв. пер. с кит. «высунуть голову, показать лицо», обр. в знач. «показываться на людях».

<http://bllate.org/book/17750/1660357>